

ФИЛОЛОГИЯ И ЛИНГВИСТИКА

Коростелева Татьяна Викторовна

старший преподаватель

Гуковский институт экономики и права (филиал)

ФГБОУ ВПО «Ростовский государственный

экономический университет (РИНХ)»

г. Гуково, Ростовская область

СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ:

АРХАИЗМЫ КАК КОМПОНЕНТ КУЛЬТУРЫ

Аннотация: в данной статье автор поднимает актуальную проблему в русском языке регулярного возврата к прежним формам номинации, если они оказываются по какой-либо причине актуальными в новых лингвокультурных условиях. Будучи неактуальными с точки зрения современных реалий, архаизмы остаются в языке благодаря своей культурной значимости возможности переосмысленных, прежде всего метафорических употреблений.

Ключевые слова: архаизмы, языковая система, узус, метафорическое употребление.

К устаревшей лексике примыкают слова, обладающие хронологической отмеченностью. В словарях они соответствующим образом маркируются: *аутодафе* – «в средние века»: публичное сожжение еретиков, еретических сочинений по приговорам инквизиции». Будучи неактуальными с точки зрения современных реалий, они остаются в языке, во-первых, благодаря своей культурной значимости, а во-вторых – благодаря возможности переосмысленных, прежде всего метафорических употреблений: *Быть может, заката костер черно-красный / Мне готовит жестокое аутодафе* (Э. Межелайтис «Голос пустыни»). Цит. по: [1, с. 30]. Кроме того, слово, зафиксированное в словарях современного языка как устаревшее и, таким образом, входящее в пассивный состав языка, может легко перейти в активный запас носителей языка и перестать восприниматься как

устаревшее благодаря актуализации и «ресемантизации» (*бомонд, гильдия и под.*). Ср.: *Благотворительность* (устар.) – Оказание материальной помощи бедным. *Благотворительность* – в буржуазном обществе оказание частными лицами материальной помощи неимущим, филантропия [14]. *Благопристойный* (устар.) – сообразный с требованиями приличия или принятого обычая. *Благопристойный* – соответствующий требованиям приличия или принятого обычая. *Благопристойное поведение* [14]. Возможны даже случаи, когда квалификация слова в качестве архаизма или неологизма оказывается весьма неоднозначной. В романе Вл. Новикова «Сентиментальный дискурс» и в его же «Романе с языком» автором обосновывается необходимость неологизмов *аррогант, аррогантный, аррогантность*, однако это вовсе не новые слова, они бытовали в речевом обиходе конца XIX – нач. XX вв. и зафиксированы словарями иностранных слов того времени. См. об этом: [3, с. 163]. Поскольку носители языка являются свидетелями процесса устаревания культурно значимых слов, в обществе неизбежно формируются идеи «спасения» лексического богатства языка. М.А. Кронгауз ввел в свою книгу «Русский язык на грани нервного срыва» [4] раздел «Спасатели слов», где пишет об опыте Бернара Пиво, который пытается «выследить» уходящие французские слова.

Механизм процесса архаизации заключается в следующем: сначала наблюдается наличие в языке равноправных вариантов (стадия безразличного варьирования), так и вариантов стилистических. А «...исторически стилистико-вариантное мышление шло не от материала, не от самих вариантов, а от дедуктивных представлений о трех стилях, в основу разграничения которых были положены неязыковые признаки» [9, с. 31].

Затем это варьирование превращается в контрастивное из-за расширения функциональной сферы одного из вариантов за счет сужения сферы другого. У другого меняется его статус в языке: сокращается число употребляющих этот вариант как нейтральный и растет число употребляющих его как осознаваемо устаревший. Данный вариант смещается к периферии языка, сужается круг его потенциальных контекстов. Наконец архаизм закрепляется на периферии языка,

либо меняет свое категориальное качество. Причем последний этап, по мнению Е.Г. Михайловой [13], следует рассматривать как период «консервации», а не «забвения», поскольку у любого архаизма есть шанс вернуться к жизни даже спустя много веков.

Аксиоматичным является положение о том, что лексика есть самый динамичный языковой ярус, наиболее подверженный социальным воздействиям. В языке зарубежья, оторванном от живой практики основной массы носителей русского языка, неизбежна известная архаичность. Г. Газданов, например, использует слово своей молодости (он эмигрировал в 16 лет) – *аэроплан*. *«Оказывается местность, где стояла его часть, не подходила для сбрасывания с английских аэропланов оружия»* («Эвелина и ее друзья»). *Их можно научить спокойно стоять под артиллерийским или аэроплановым обстрелом, из них можно сделать парашютистов* («На французской земле»). В текстах Газданова встречаются грамматические архаизмы – формы типа *фильма*, *зала* – ж.р.: У Г. Газданова, таким образом, это пример выражения, соответствующего системе, но не совпадающего с узусом и нормой. Ср. «Норма связывается с выбором варианта из тех, что дает система языка» [5, с. 19]. Куликова Э.Г., специально занимающаяся вопросами нормы, отмечает: «Тропы и фигуры традиционно образовывали систему полезных отклонений от нормы, «антинорму» античной и средневековой теории» [7, с. 41]. Для писателя-эмигранта такие несовпадения неизбежны.

Наиболее разительные изменения в лексическом составе языка всегда происходили после революций, почему и высказывались иногда мнения, что, например, русский язык до 1917 года и после – это «два разных языка».

Влияние социальных факторов на функционирование хронологически отмеченной лексики проявляется в том, что на современном этапе развития языка очевиден процесс «языкового возрождения», или ресемантизации, когда слово, зафиксированное в словарях современного языка как устаревшее и, таким образом, входящее в пассивный состав языка, переходит в активный запас носителей языка и перестает восприниматься как устаревшее. Как пишет Э.А. Китанина [3, с. 202], слово «*бомонд*» (в значении «высшее общество») стало с 90-х годов

XX в. одним из самых активных в силу вполне объективных социальных причин. В словарях XIX века (например, в «Полном толковом словаре всех общеупотребительных иностранных слов» Н.Л. Дубровского, 1866 г.) в толкованиях значения присутствовало определение «утонченное» или «знатное» общество, что вполне соответствовало французскому *beau monde* – высший свет, высшие аристократические круги. В обществе, провозгласившем социальное равенство, это слово, естественно, ушло на периферию. Толковые словари советского периода снабжали его пометой «устар.», а компактные толковые словари его не учитывали вовсе как неактуальное в массовом словоупотреблении.

Наилучшие шансы на победоносную «ресемантизацию» имеют именно те слова, которые в советское время были отторгнуты по идеологическим мотивам. Ср. возвращение слов типа *царь* (*Царь Борис* – о Ельцине), *царское дело Путина*, *государевы наместники*.

В неблагополучном состоянии языковой среды и духовной деградации видят глубинные причины оскудения словарного запаса языка. На всем протяжении XX века шло сокращение слов с элементами *бого-*, *благо-*, *добро-*, получивших в новых словарях помету *дореволюц.* и *иронич.* или изменивших своё значение.

Процессы архаизации словарного связаны с идеями современной лингвистической экологии (или экологии языка).

Ключевые категории языковой экологии – деградация и реабилитация. Необходимо отслеживать опасные симптомы деградации языка, противодействовать им и обеспечивать выживание языка, способствуя его устойчивому развитию и поддерживая разнообразие. Как пишет М.Н. Эпштейн [16], в России в XX веке понесло страшные убытки не только ее население, но и язык: лингвосфера сокращалась одновременно с демосферой и примерно такими же темпами. Поражают масштабы сокращения тех словообразовательных гнезд (добро и зло), которые веками наращивались вокруг самых «мировоззрительных» корней языка. С основой «добр» в СУ осталось 42 слова (195 у В.И. Даля), со «зло»

– 82 в Толковом словаре русского языка Д.Н. Ушакова (286 у В.И. Даля). Интересно, что образования от этих двух корней асимметрично сохранились: есть слова *злодей*, *злорадство* и *злословить*, но *добродей*, *доброрадство* и *добрословить* утратились, хотя очевидно, что *доброрадство* («способность радоваться чужому добру») передавало чрезвычайно важное этическое понятие (ср. сохранившееся *злорадство*). Как замечает М.Н. Эпштейн [там же], самые важные, жизнеобразующие истины язык до нас доносит мгновенно, однословно. От языка мы узнаем, что ум, сердце или радость могут быть добрыми и злыми. А если в языке есть только *злорадство* и нет *доброрадства*, то возникает опасность, что представление общества о нравственных ориентирах этого чувства окажется сильно суженным.

Общий посыл экологии языка – дать объективную картину состояния языка, оценить все ее стороны, указать на опасности и предложить средства сбережения и приумножения богатств языка. Мнение о том, что русский язык переживает период «смуты», нестабильности, кризиса, основано на фактах многочисленных словарных потерь. Совершенно точно известно, что русское языковое пространство сокращается за счет утраты многочисленных производных слов, нюансирующих смысл.

Но наиболее заметны отрицательные последствия архаизации не в разговорном языке, а в таких сферах, как политическое красноречие, державная риторика, апеллирующих к национальному чувству, к гордости за свою страну.

Современная политическая речь (даже в своих самых успешных реализациях) имеет совершенно очевидные недостатки: вялость, невыразительность, вследствие чего она или не запоминается, или запоминается непреднамеренным комизмом (как известные «афоризмы» В. Черномырдина). «Отсутствие коллективной ответственности за язык скорее осуждено публицистически, чем осмыслено научно» [10, с. 256].

Э.Г. Куликова и И.В. Беляева отмечают, что диффамация (имеется в виду распространение сведений, порочащих кого-либо) относится к числу концептов,

которые на современном этапе межкультурного взаимодействия еще не внедрили в систему ценностей нашего общества. См. подробнее: [6, с. 77–81].

«У нас совершенно нет культуры политических дебатов, культуры публичного красноречия – того, чем славились демократии прошлого, когда победа достигалась силой убеждения. В нашей публичной сфере торжествуют демагогия и манипуляция» [2, с. 152]. Как пишут М.В. Ласкова и Е.В. Резникова: «Вследствие большой вариативности семантического содержания местоимения «мы» оно нередко становится средством манипулирования общественным мнением, особенно – в предвыборных кампаниях» [12, с. 165].

Общественно-политическое слово сегодня не имеет запаса прочности и солидности, ему явно недостает красоты. Причина этого – общее оскудение языка, неразрывно связанное с примитивизацией мышления, отсутствие общепризнанного идеала речевой культуры. Нам не дается высокий официальный язык, потому что его носители оторваны и от народных корней, и от тех сложных форм культуры, которые были достоянием русской интеллигенции. Как пишут Г.Г. Хазагеров и С.В. Хазагерова, сегодня техническая сложность повсюду соседствует с гуманитарным примитивизмом [15]. Лениность ума обуславливает невнимание к деталям, к нюансам, и потому многие слова, способные тонко нюансировать смысл, отбрасываются за ненужностью. «...языковые механизмы, обслуживающие процессы естественно-языкового убеждения и речевого воздействия, сложились стихийно, ибо язык сам по себе в известной мере способствует искажению объективной действительности, так как предлагает не только точные, но и неточные, нечеткие, размытые обозначения.» [8, с. 20]. В этих условиях сбережение языка всеми способами должно стать социальным проектом.

Список литературы

1. Брусенская Л.А. Словарь неизменяемых иноязычных слов русского языка. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского государственного педагогического университета, 1997. – 236 с.

2. Брусенская Л.А. В чем состоит экологический подход к языку?// Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2012. – №3. – С. 149–156.
3. Китанина Э.А. Прагматика иноязычного слова в русском языке. Монография. – Ростов н/Д.: РГЭУ «РИНХ», 2005. – 315 с.
4. Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. – М.: Языки славянских культур, 2008. – 229 с.
5. Куликова Э.Г. Норма в лингвистике и паралингвистике. Дис. ... докт.филол.наук. – Ростов н/Д.: РГЭУ «РИНХ», 2004. – 300 с.
6. Куликова Э.Г., Беляева И.В. Толерантная языковая и командная правовая норма: манипулирование как нарушение этической нормы // Философия права. – 2009. – №4. – С. 77–81.
7. Куликова Э.Г. Прецедентные тексты: лингвистика и право, категория вариантности и отклонение от нормы // Философия права. – 2013. – №3 (58). – С. 39–43.
8. Беляева И.В., Куликова Э.Г. Манипулятивное искажение: лингвистический смысл эвфемизмов // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – №22. – С. 15–20.
9. Куликова Э.Г. Культура и парадигматическое мышление: экстралингвистические способы получения вариантов // Философия права. – 2014. – №3. – С. 29–32.
10. Куликова Э.Г. Культурное пространство современной России: проблема языковой небрежности и неадекватных образцов // Философия права. – 2012. – №3. – С. 37–42.
11. Куликова Э.Г. Культурная парадигма эпохи постмодернити: языковая норма // Философия права. – 2010. – №3 (40). – С. 37–42.
12. Ласкова М.В., Резникова Е.В. Личные местоимения в политическом дискурсе // Вестник Адыгейского государственного университета. – Майкоп, 2011. – Вып. 4 (90). – С. 163–167.

13. Михайлова Е.Г. Архаизация элементов языка в процессе его развития (На мат-ле русского литературного языка XVIII в.): Автореф. дис.. канд. филол. наук. – Киев, 1987. – 15 с.

14. Словарь русского языка: В 4-х томах. РАН, Ин-т лингвистических исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. – Изд. 4-е, испр., стер. – М.: Русский язык. Полиграфресурсы, 1999.

15. Хазагеров Г.Г., Хазагерова С.В. Культура-1, культура-2 и гуманитарная культура // Знамя. – 2005. – №3.

16. Эпштейн М.Н. Русский язык в свете творческой филологии разыскания // Знамя. – 2006. – №1. – С. 196–207.